

В тот день мело по всей России

О роли партинструктора в судьбе опального поэта

ЛОЖКА хороша к обеду.
Ударная вахта — к съезду.
А эпитафия?

Сенсацию о найденной могиле Осипа Мандельштама газеты дружно приурочили к 100-летию со дня его рождения. Получилось символично и симметрично. В духе соцреализма.

Получилось неуклюже, словно рифма к слову «консолидация». И однобоко, ибо лукавая мандельштамовская муза облачалась не в один только саван лагерных снегов:

Держу пари, что я
еще не умер,
И, как жокей, ручаюсь
головой,
Что я еще могу
набедокурить
На рысистый
дорожке беговой.

И вообще получилось суетно — по мнению бывшего ответственного работника краевого значения Валерия Михайловича Маркова, который еще за несколько лет до юбилейного «открытия» водил меня по неприметному склону сопки на Второй Речке, почти в центре Владивостока. Ответчик признавался, что у него здесь перехватывает горло...

В ЧИНОВНИКИ Марков сподобился «от станка». То есть от баранки. Авантюрно рванувший к океану детдомовец с Урала был жаден до работы и книг. Днем брал горные перевалы, вечером — «Нагорную проповедь». Без отрыва от шоферской кабины окончил истфак университета. Потом не на шутку увлекся историей живописи — и поступил в Ленинградскую академию художеств. Затем всерьез заинтересовался прошлым Владивостока — и написал великодушную книгу-путеводитель, ставшую в неделю бест-

селлером. Он всегда заводился с пол-оборота — точь-в-точь, как его верный грузовик. И когда уверовал в дарованную небом перестройку, то отправился на работу — куда же еще?! — в крайком КПСС.

Узнав об этом, я ужаснулся. Марков попал в подчинение к энергичной пышной даме, вознесенной «на культуру» крутой номенклатурной волной. Она восхищалась художественными фильмами о воздушно-десантных войсках, а на сцене спектаклей с подкупающей прямоотой заявляла режиссеру: «Не поняла!» (с ударением, увы, на первом слоге).

— Пропадешь, — сказал я тогда Маркову.

Но вскоре в отутуженном крайкомовском интерьере мне стали попадаться странные личности — бородатые, без галстуков, без хмурого выражения щек: творческая интеллигенция принялась обживать кабинет «своего» инструктора. А тот, в свою очередь, осваивался в коридорах власти, попутно делясь новыми впечатлениями в печати: «Я наглядно убедился, насколько непробиваемы бастионы невежества и косности в партаппарате».

Это вообще был самый странный партийный работник, каких я знал. Хотя бы потому, что в год своей блестящей крайкомовской карьеры он защитил в Ленинграде диссертацию «Портретная живопись И. Е. Репина девяностых годов XIX века»...

И не рисую я,
и не пою,
И не вожу смычком
черногослым:
Я только в жизнь
впиваюсь и люблю
Завидовать могучим
хитрым осам.

ПРЕАМБУЛА нужна была для ясности: чиновник и поэт не могли не встретиться.

Лет пятнадцать назад владивостокцев ошастливил столичный писательский десант (в те годы таковые часто, по давней пролеткультуловской традиции, сбрасывались на трудовое взморье). Марков случайно увидел, как одна из приезжих знаменитостей складет прямо на вокзальную скамейку цветы: «Осипу...» Еще не знавший тогда ни единой строфы Мандельштама, Валерий понял, что этот беспризорный букет уже не даст ему покоя. Однако, будучи заводным, Марков никогда не дергал с места и не гнал очертя голову: шоферская основательность сочетается в нем с мнительностью историка и дотошностью искусствоведа. В повседневном общении это не самые приятные черты. Многие искренне убеждены, что Марков — патологический зануда.

Но это он — а не столичная знаменитость с букетом и не речистые бытописатели из местного правления СП РСФСР — вернул нам могилу Поэта.

С занудливой неспешностью восстанавливал Марков драму Владивостокского пересыльного лагеря — знаменитой в ГУЛАГе «транзитной командировки», через которую прошли все колымские этапы тридцатых годов. Исследовал сохранившуюся почти в полной сохранности «зону», где с войны квартирует флотская часть. Встречался с бывшими зеками и вертухаями. Записывал легенды, похожие на правду, и правду, похожую на бред.

А еще, во время ленинградских своих наездов, познакомился с родными Анны Ахматовой. Их стараниями по-

пал — за много лет до первых экскурсий — в «Фонтанный дом» и потрясенно вслушивался в тайну скрипучих половиц: по ним неслышно скользили тени великих, известных, забытых, забытых поэтов. И еще одно потрясение испытал, купив с рук свой первый томик Мандельштама: в любимой песне, которую он безотчетно твердил, бродя по неврам каналам, — «Ленинград, Ленинград, я еще не хочу умирать...» — популярная певица, оказывается, передернула имя собственное гордого города...

Какая боль — искать
потерянное слово...

После серии газетных статей о кровавых тайнах «пересылки» Марков получил около сотни — каждое на вес совести — писем. Они помогли расставить последние точки. К этому времени уже было обнародовано единственное лагерное послание Осипа Мандельштама брату: «Дорогой Шура! Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак...», и бывшие итэзровцы «Дальстроя» А. Матвеев и А. Ражев уже указали Маркову точные координаты «одинадцатого». Уже Валерий под удивленными взглядами военнослужащих (а много ли гражданских возьмет в толк — зачем?) отмерил расстояние, вышло почти 500 шагов, от барака до сохранившегося каменного карьера; «Шуручка, пишу еще. Последние дни ходили на работу...»

Уже было установлено, что заключенный Мандельштам умер 27 декабря 1938 года в лагерном лазарете. И что, согласно протоколу отождествления, факт смерти засвидетельствован только 31 декабря: стало быть, дни и ночи до погребения он лежал, как бы-

ло заведено, прямо на улице, справа от больнички (сейчас в этом здании вещевой склад) — в штабеле с другими несчастными.

И, главное, было ясно уже, в какой из трех гигантских могильников лег колымский призыв 1937—1939 годов. В Центральном архиве ВМФ СССР Марков обнаружил старые карты города с обозначением фортов, бастионов, люнетов Владивостокской крепости, построенных еще к русско-японской войне. Глубокий крепостной ров, начинавшийся на берегу моря, проходил метрах в восьмистах от лагеря — точь-в-точь, как сообщали Маркову о могильнике его чудом выжившие адресаты. Полностью совпадало направление погребальных маршрутов. Один к одному спроецировалась на поисковую карту схема, присланная из Бурятии реабилитированным зеком Петром Андреевичем Яхновецким...

Впрочем, все сошлось гораздо раньше, еще за пятнадцать лет до последнего ареста поэта, все постигнуто и все предсказавшего:

Я в львиный ров
и в крепость погружен
И опускаюсь ниже,
ниже, ниже...

А для Маркова картина стала ясна в позапрошлую зиму, но то не была зима 100-летия со дня рождения известного советского поэта. А в будни у нас не принято помнить упреждающих.

Праники — к чаю.
Доблестный труд — к плечу.

Душу — к пережиткам...

ОСИП Мандельштам умирал, а в тусклое оконце лазарета колотилась, завывая, метель. Она налетела на Владивосток 23 декабря и бушева-

ла несколько суток кряду: северный ветер порывами до 22 метров в секунду, температура минус 18, снег. Об этом Маркова официально уведомила гидрометслужба — наверное, кому-то и этот его запрос покажется странным, пусть их. Но мы знаем теперь, как над скрючившейся от холода «пересылкой» белой волчицей металась пурга, заметая баранки и страшные штабеля, заметая надежду, которая, возможно, еще теплилась на дне мерцающего сознания, грея искорками далеких прозрачных строк: «Когда на площадях и в тишине келейной мы сходим медленно с ума, холодного и чистого рейнвейна предложит нам жестокая зима». И искорки, шипя, прожигали спрессованный наст...

Я страшно жалею, что год назад не стоял возле лазарета. «Порывистый ветер, — писала городская газета, — перебивал отца Амвросия, который мужественно вел панихиду». Она состоялась при стечении народа: одиннадцать человек, включая журналистов. Когда панихида закончилась, Валерий снял шапку и сказал короткую речь:

— Сегодня особый день, но вы видите сами... Не приехали даже те, кто был предупрежден.

Бывший партаппаратчик работает сегодня начальником управления культуры горисполкома. Избирался трудно, с «товарищеской критикой» в глаза и анонимными оскорблениями. С телефонными придуренными советами: тебе что, больше всех надо?

Больше всех ему надо поставить памятник поэту над засыпанным крепостным рвом. Двадцать седьмого декабря Марков поставит там свечку.

И. КОЦ.

Владивосток.